

71

«Социализм — лучшая школа капитализма»

Что сделал специалист по живучести летательных аппаратов Камиль Бакиров, когда ему надоел произвол чистой воды

АВТОР: Ольга Тимофеева

КОМПАНИЯ

ООО «Дедал». Проектирование, установка и сервисное обслуживание систем очистки воды.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ

Самара. Крупный областной центр, где создают все для того, чтобы летать в космос, но до недавнего времени не могли разобраться с качеством водоснабжения.

СТАРТОВЫЕ УСЛОВИЯ

Привлеченные средства, конструкторские ресурсы компании «Дедал».

ДОСТИЖЕНИЯ

Проект «Чистая вода для всех». Сеть аппаратов по продаже очищенной воды, подключенных к городской системе водоснабжения. Аналогов нет — конкуренты продают питьевую воду, очищенную на заводах.

[Почитать описание, отзывы и купить на сайте МИФа](#)

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Пиво-воды

Магазин крафтового пива в новом районе Самары борется с булочной за автомат по очистке и розливу воды. Хотя разве могут что-то не поделить такие разные магазины? Один — для пап, другой — для мам.

Предприниматель Камиль Бакиров не думал устраивать между ними конкурс. Он просто хотел поставить свой автомат в конкретном районе, а тут позвонил хозяин пивной и предложил поделить аренду. Автомат Бакирова выдает чистую питьевую воду по 3 рубля за литр. Все просто: внутри металлической коробки установлены фильтры, подключенные к обычному водопроводу. Вода не застаивается, не хранится, не перевозится. Когда устройство увидел владелец булочной, у него чуть сердце не остановилось. Район Волгарь заселяется молодыми семьями, две шеренги новых домов уже выстроились друг против друга. Но качество воды в краях оставляет желать лучшего. Чистая вода нужна, но к чему она в пивном магазине? Автомату самое место в булочной. Мамы пойдут за хлебом и бакалеей, заодно возьмут воду. И наоборот.

Совсем не так рассуждает хозяин пивной. Мужчина хочет выпить и говорит жене: «Дорогая, пойду куплю чистой воды». Купил воды — и выпил!

Бакиров толкает дверь магазина и входит. Деревянный прилавок, два десятка сортов пива, сноуборд на стене, спортивные новости по телевизору. Веселый хозяин Саня выглядывает из-за сушеной рыбы, развешенной над прилавком.

— У меня же легкая рука! Мы раскрутили этот автоматик за сколько? За два месяца? — он вопросительно смотрит на Бакирова.

— Да, хорошо пошел, прямо с ходу, — кивает тот.

В холодильниках здесь есть еще и минералка, но одно другому не мешает, уверяет Саня. Разливная вода — она домашняя. А эта, в бутылках, — уличная...

К пяти часам стремительно темнеет, и на углу улиц французского коммуниста Мориса Тореза и советского строителя Владимира Волгина загорается красная вывеска магазина шин. Камиль Бакиров привычно огибает ее, поднимается на соседнее непримечательное крылечко, здороваается с курильщиками на крыльце, открывает дверь, которую облепил десяток табличек мелких компаний, из двери вырывается облако пара — в Самаре впервые за несколько лет морозы. Три этажа вверх, коридор направо, лестничная площадка, незапертая дверь — компания «Дедал». Он тут и дома, и на работе сразу: коммерческий директор — его дочь Марина Кирсанова.

— Хозяин булочной звонил, — начинает Марина.

— Ну.

— Просил автомат ему перенести.

— И?

— Я предложила ему фильтр поставить, чтобы у него была своя чистая вода.

Структурный анализ

Этого бизнеса просто не было бы, если бы из кранов текла хорошая вода. Но вода в Самаре жесткая, в ней есть как минимум кальций и магний — не тот полезный, что в яблоках и овощах, а вредный, что накапливается в суставах и на стенках чайников. А ведь есть еще сульфаты и хлориды, в сельской местности — нитраты, ну а там, где расположены вредные производства, — тяжелые металлы. Человеческий организм засоряется ими, как сменный картридж фильтра. Только заменить его пока нельзя.

Социальный проект «Чистая вода для всех» — одно из направлений деятельности «Дедала». И у него бы не было шансов без сугубо

коммерческого фундамента. Бакиров давно занимается проектированием, установкой и сервисным обслуживанием систем очистки воды, оборот его компании — 10 миллионов рублей в год. Это не позволяет расслабиться настолько, чтобы самому не искать заказы, и каждое утро в офисе начинается с обзора тендеров. «Дедал» обслуживает несколько крупных предприятий Самары и области, поставляет оборудование в Сибирь и Казахстан. Среди его клиентов — завод Bosch и теплоход «Алексей Толстой», спорткомплексы и фитнес-центры, фермы и рестораны, и даже подворье Иверского женского монастыря. Техника — не человек, но и она ломается. Чем современнее, тем хуже переносит жесткость. Парогенераторы в фитнес-центрах и дорогие холодильники в ресторанах выходят из строя из-за кальция и магния, ледовые катки не застывают из-за сульфатов и хлоридов. Так что спрос на очистку не иссякает.

— Плохая вода плоха по-разному. — Марина собирается ставить чай и поднимает с пола пятилитровую бутыль. — В разных районах водоканал забирает воду из Волги, из скважин, из Самарки — и для каждой воды своя очистка нужна.

Разливая кипяток по чашкам, она говорит, что больше не может пить воду из-под крана: теперь ей кажется, что та горчит.

— Но ведь вода в водопроводе питьевая и тоже очищена по каким-то стандартам.

— Это очень сложная тема. По официальным данным вода в Самарской области соответствует СанПиНу, но есть другие исследования, из которых следует, что все не так хорошо.

Другое исследование может сделать любой желающий: набрать воды из-под крана, отнести в лабораторию и узнать состав.

— Был у меня анализ интересный... — ищет Бакиров нужный документ. — Водозабор номер три за Самаркой. Вот у них получается жесткость 16, минерализация 1400, хотя норматив санпиновский 7 и 1000. И вот заключение: «В связи с решением управления Роспотребнадзора по Самарской области... временных отклонений... норма минерализации увеличена до 1600, жесткость — до 15». Чтобы насосно-фильтровальная станция у них числилась в передовиках — они просто взяли и подняли эту норму.

Результаты этих анализов Камиль получил от клиента — крупной компании, у которой начали забиваться котлы и кондиционеры. Такие же проблемы в соседнем микрорайоне. Люди въехали в новые квартиры, техника стала ломаться, они писали жалобы, спорили. Им написали такую же справку — дескать, спокойно, все в норме. Но обычные горожане, в отличие от компаний, не могут поставить себе системы очистки за 40 тысяч рублей.

— У нас два года назад из крана пошла цветная вода — серьезно, она пошла зеленоватого цвета! — вспоминает владелец «Дедала». — Была теплая зима и длинная осень. Естественно, очистные сооружения не справлялись. И наш санитарный врач своим решением изменяет санпиновскую норму и говорит: «Два балла цветность — это ерунда. У нас будет теперь шесть баллов цветность допустимая!» То есть берет и увеличивает нормы, чтобы только вода попала в разряд питьевой. Вот так и живем.

Случайный выбор

Бескомпромиссность Камиля Бакирова родилась не сегодня и не вчера. Он вообще-то военный пилот, летчик-истребитель I класса. Вышел на пенсию в 39 лет, в звании подполковника, с должности начальника боевой подготовки дивизии, базировавшейся в Норильске. Шел 1994 год, дивизию расформировывали. Демобилизовавшиеся сослуживцы звали его в Игарку, обещали должность начальника отдела на местном таможенном пункте. Но он решил, что катапультироваться из кресла пилота МиГ-31 в кресло чиновника — это уж чересчур.

— Но и становиться пенсионером в 39 лет я тоже не рассчитывал.

— А сколько вам сейчас?

— Шестьдесят пять вот стукнуло.

Худощавый, скупой на эмоции, весь будто отлитый из легкого авиационного сплава, он держится своих неудобных принципов, раз и навсегда заданной морали. Бакиров родился в городке Юрюзани, затерянном среди сказочных гор Южного Урала. Когда ему было четыре года, отец умер, а мать ушла.

- Вы искали ее, когда выросли?
- А зачем?
- Спросить, почему она так поступила.
- Мне неинтересно.

Дальше он жил с дядей и бабушкой. Дядя заменил ему отца. Но когда Камилю исполнилось десять, дядя женился — появилась мачеха.

- Вы любили убежать в горы с друзьями?
- Да я и так все лето проводил в лагере.
- Вам там нравилось?
- Да как, нравилось... Отправляли на три сезона. Чтобы избавиться.

В 14 лет поступил в Суворовское училище в Екатеринбурге и больше не возвращался домой. Так он стал взрослым. Затем — Армавир, летное училище. Оттуда распределили на Дальний Восток, служил пять лет под Хабаровском. Там он чуть не погиб.

— У меня был помпаж двигателя. Двигатели же реактивные, на сверхзвуке помпаж не устраняется, двигатель идет вразнос, разваливается, взрывается. Единственная возможность его спасти — вовремя выключить. Я его вырубил на 15 километрах, потом снизился и где-то на высоте шесть километров снова запустил. И он запустился! Я уже был готов прыгать. А потом, когда сделали дешифровку бортовых самописцев, оказалось, что до взрыва оставалось примерно полсекунды. Если бы не выключил.

- Получается, в этот день вы во второй раз родились.

— Теща моя с тестем всегда отмечали день рождения мой второй. 26 или 28 мая 1979 года, я уже и забыл. Мы с женой как раз только познакомились.

В Хабаровске Бакиров женился, там родилась Марина.

— Ну и понеслось — Российская империя большая. Потом меня отправили в Польшу, там Наташка родилась. Из Польши — в академию, три года в Москве с семьей. Южный Казахстан. Потом нас разогнали, начали делить армию. Дослуживал в Норильске. Уже из Норильска я ушел в отставку. А потом судьба сюда принесла: город Самара, аэрокосмический университет.

- Почему Самара? Вы тут служили?

— Да нет. Просто самолет дальше не летел!

— Какой самолет? Истребитель?

Он смеется.

— Я же с должности начальника боевой подготовки дивизии уволился. И я отвечал за подготовку летного состава, полк у нас был и транспортная эскадрилья, там же дорог нет. Вертолеты Ми-8, Ми-26, Ан-26, Ан-12. И они у меня как раз летели на рембазу в Армавир, мимо Самары. Ну, я сел в самолет и долетел сюда.

Что-нибудь человеческое

Набережная Волги зимой пустует. Белое небо, скованная льдом река — грань между ними еле различима. Слева — административные здания, памятник покорителю космоса, но не Гагарину, а просто покорителю, который ироничные самарцы зовут то Паниковским, то Человеком с гусем — в поднятых над головой руках, по замыслу архитекторов, он держит самолетик. Вот пивзавод и монастырь напротив почти одинаково древние... Если Самара была для Камиля случайным выбором, сделанным в трудный момент, то это был выбор хороший во всех отношениях. Здесь строят ракеты-носители, самолеты и космические аппараты, выпускают авиационные и ракетные двигатели, производят для всего этого запчасти — в общем, ремонтируют и модернизируют все, что летает.

Демобилизованный подполковник Бакиров пришел в аэрокосмический университет имени академика Королёва, подал заявление на кафедру конструкции и проектирования летательных аппаратов и начал преподавать два предмета: управление воздушным движением и теорию живучести летательных аппаратов («как сделать самолет таким, чтобы его не сразу сбили»). Ему дали две комнаты в общежитии, и он вызвал к себе семью. Семью нужно было содержать. Как у пилота-истребителя первого класса у него была высокая военная пенсия. Но даже высокая военная пенсия в 90-е годы была ниже плинтуса и с каждым месяцем становилась еще ниже.

— Как только я пришел, мне профессор предложил часть акций ЗАО «Дедал». Создавалось оно, чтобы разрабатывать программный продукт

по проектированию авиационных конструкций. Программный продукт не пошел. Народ разбежался, работы нет. Ну и профессор говорит: «Что будем делать? Или надо ликвидировать, или заняться чем-то другим». Преподаватели все нищие — естественно, они сказали: давай чем-то еще займемся.

— Понятно. Но где химия — и где летчик-истребитель?

— Да ладно, была у нас там и кафедра химии! Ее заведующий товарищ Мальчиков меня просвещал. И мы сначала занимались системами кондиционирования, они хорошо шли и давали прибыль, но потом этот рынок заполнился, и мы решили параллельное направление открыть. Товарищ Комаров сказал: «Давайте что-нибудь человеческое! Чтобы это было не просто купи-продай, а чтобы социально значимое было, для людей».

— Прямо такие слова употребил?

— Ну да, военные ведь народ сентиментальный. И мы решили — раз до сих пор занимались воздухом, то теперь водой займемся. Фильтров нет никаких нигде, вот мы давай их искать. Тогда еще ничего не было. Нашли.

— Получается, философия настоящего бизнеса вышла из вчерашнего советского человека?

— Ну, а из кого же? Из нас и вышла.

Сопrotивление нормам

Нового клиента Камиль Бакиров, будто врач, сразу направляет с баночкой на анализ. И потом смотрит, что с ним делать.

— Ну что, готово? — интересуется он.

Марина распечатывает листок. В 10 утра солнце светит в офис «Дедала» строго горизонтально, разрезая пространство на множество вертикальных плоскостей. Бакиров пристрастно вглядывается в цифры. Это состав воды из нового спортивного комплекса в Тольятти.

— По жесткости чуть выше ПДК: 8,4 против 7, но это не страшно, — комментирует он. — Железа, можно сказать, нет — 0,1, а допуск 0,3. Но здесь нитраты 66 при норме 45 — это уже запредельное значение.

Детский организм очень восприимчив к нитратам, у них еще в желудке нет той флоры, которая у взрослого человека справляется со всей этой гадостью. Американские нормы — у них не выше 5 должно быть. Европейский стандарт — не более 15 разрешается.

— Почему же у нас настолько выше? Наш народ крепче?

— Ну да, наш народ крепче.

— Я шучу, а вы?

— Наши нормы — они слишком демократичные получаются.

Он задумчиво перелистывает каталог, подбирая комплекс смол, фильтрующих нитраты и жесткость. Уже много лет анализ воды Бакиров делает в одной и той же лаборатории профильного НИИ. Но за много лет совместной работы он так и не смог убедить лаборантку Веронику в том, что воду из-под крана пить не нужно. Она каждый день делает анализы воды и почвы, но это не меняет ее бытовых привычек. Воду она всегда пьет ту, что под рукой: дома — из-под крана, а в лаборатории — дистиллированную, другой тут нет.

— Из скважин вода плохая, — признает Вероника. — А волжская вода хорошая! Правда, есть районы-исключения, например Гранный: люди жалуются, что там были затоплены баржи с нефтепродуктами. Но таких районов немного. Если в каких-то поселках люди бурят скважины, то в воде в основном железо, сероводород — это все идет из почвы, из грунта. Не промышленные выбросы, а просто сама по себе вода плохая. Но самарский водоканал чистит хорошо!

— Лучшая вода в центре Самары, — соглашается Бакиров. — Хотя, по моим агентурным данным, там замена фильтров происходит раз в два года, а положено два раза в год. Но здесь вопрос решается за счет хлорирования, озонирования — хотя бы холеры не будет, кишечные палочки не проскочат. А города Новокуйбышевск и Нефтяники воду берут из скважины. По СанПиНу в питьевой воде допускается 10 мг жесткости, а у них — 15. Они за эту воду берут с людей деньги. Я этот разговор почему завел? Если вода не соответствует нормам, государство должно признать, что это техническая вода. Но тогда оно должно обеспечить питьевую воду каким-то другим образом? Вот камень преткновения!

В 2010 году в Самарской области была засуха, в селах пересохли колодцы. Государство решало проблему с поставкой чистой воды, и на это были выделены деньги. Летом 2010-го в Самаре начали устанавливать киоски «Родниковый источник»: общество с ограниченной ответственностью «Нептун», которое владеет сетью, было зарегистрировано тогда же. Там предлагалась очищенная вода, добытая, как заявлял производитель, в скважине близ одного из самарских сел. В киосках «Родниковый источник» вода стоит 3 рубля 50 копеек, в автоматах чистой воды «Дедала» — 3 рубля ровно. В автомате «Дедала» стоит фильтр очистки, обогреватель и купюроприемник; в «Родниковом источнике» сидит продавец и стоит цистерна, воду привозит «КамАЗ». К этому времени общество с ограниченной ответственностью «Дедал» существовало уже 18 лет и тоже претендовало на госзаказ, но почему-то не получило его.

Три года спустя помощь пришла с другой стороны. Камиль Бакиров получил беспроцентный заем от фонда «Наше будущее» на покупку оборудования для сборки уличных автоматов по розливу питьевой воды. Идея была в том, чтобы монтировать их прямо над трубами водоканала и очищать обычную водопроводную воду. Экономия на транспортировке и хранении давала низкую себестоимость продукта — 1 рубль за литр, обещала окупаемость за два года (срок кредитования) и задел для расширения бизнеса.

Камиль Бакиров посчитал, что на 5–7 тысяч человек нужен один автомат по очистке и розливу. На Самару — 167 автоматов. На область — как минимум еще столько же. Открылась огромная ниша, новый рынок. Но пока он работал с отдельными крупными заказчиками, проблем у него не было. А как задумал сделать что-то для всех — начались.

Автоматная очередь

Постепенно отец с дочерью поняли, что частная территория — это их выход. К тому же людям должно быть удобно брать воду и продукты в одном месте. Изначально Бакиров думал, что автоматы надо ставить в районах с самой плохой водой. Много лет проработав в этой сфере,

он хорошо знал потребности региона. Одних анализов сделал тысячи. Плохая вода — явление повсеместное, но безусловный лидер в номинации «полный капец» — Чапаевск, городок в 40 километрах от Самары.

История Чапаевска начинается с 1909 года, с рабочих поселков вокруг первого в России завода, производившего тротил. С тех пор и навсегда главным городским товаром стали снаряды, патроны, торпеды, взрывчатка и отравляющие вещества — фосген и иприт. Предприятия сливали ядовитые отходы в канавы и выпускали в воздух без всяких фильтров, отравив почву в городе и воду в реке Чапаевке настолько, что в 1996 году специальная комиссия ООН признала его зоной экологического бедствия. А в апреле 2008-го случился локальный скандал: на круглом столе, где обсуждали экологию Самарской области, мэр Чапаевска Николай Малахов заявил, что все 580 домов лучше построить заново, на чистом месте, потому что «жить в городе попросту опасно для жизни». Через десять дней после заявления мэр подал в отставку и сдал дела своему заместителю. Так что два первых автомата по очистке воды Бакиров решил установить в Чапаевске.

— Чапаевск — оттуда мы ушли, — без подробностей резюмирует Марина Кирсанова. — Там люди еще не готовы.

— Разве их не беспокоит то, что все вокруг отравлено?

— Их это не беспокоит! — смеется она. — Это других людей беспокоит.

В своем самоубийственном заявлении экс-мэр Малахов тоже упоминал о том, что жители не хотят переезжать — «у них здесь дачи и гаражи».

Методом тыка и мозгового штурма компания «Дедал» выяснила, кто их клиент. И этот клиент не живет в маленьких городках и селах. Их клиенты — молодые люди, с детьми, не самые бедные. Три рубля за литр воды заплатить могут, хотя бутилированная вода на каждый день им не по карману. Но в то же время и не слишком богатые — иначе поставили бы установку по очистке воды у себя дома. Беспокоятся о своем здоровье. Живут в Самаре в новостройках экономкласса. Именно в таких районах Бакиров и установил первые пять своих автоматов.

В компании этого прямо не говорят, но, возможно, дело не только в чапаевцах. У «Дедала» есть сильный конкурент — то самое

ООО «Нептун». Начиная с 2010 года «Нептун» «в соответствии с федеральной программой “Обеспечение населения питьевой водой”» установил 200 киосков в Самаре и еще в 15 городах и поселках области. Если зайти на сайт «Родникового источника», то на карте киосков можно увидеть пять точек даже в Чапаевске.

— Вы не пытались решить проблему дипломатическими методами? Выйти на кого-то, кто бы вас порекомендовал нужным людям в местной администрации?

— Пытались, — отрезает Марина.

— Не получилось?

— Ответ: «Убирайте». Мы пока маленькая фирма, не можем платить большую аренду. У нас не сто автоматов.

— А поддержка малого бизнеса?

— Нет никакой поддержки малого бизнеса.

— Так вы развиваетесь или погибаете?

— Нет, люди довольны, и мы отзывы хорошие получаем. Недавно еще один круглосуточный автомат поставили на 7-й просеке, это новый район, недалеко от Волги, там новостройки заселяются. Вот они довольны.

Чтобы поставить автомат по этому адресу, Марина потратила несколько месяцев на переговоры. Но зато теперь его оттуда не убрать: есть договор с водоканалом и с управляющей компанией, есть электричество и обогрев, автомат стоит на придомовой территории, и это решение утверждено собранием жильцов.

— У нас был один автомат в Кошелеве установлен, тоже новый район Самары. Нам пришлось его забрать. — Марина делает многозначительную паузу. — Неприемлемые условия.

— Много платить?

— ...

— Очень много?

Вместо ответа на вопрос она отдельно, четко произносит:

— Людям было очень удобно. Они были очень довольны. И были в шоке, когда мы убрали. Мы планировали несколько автоматов там поставить. Но не получилось.

А на сайте конкурента в разделе новостей есть сообщение о новой точке. Через улицу от того самого места. Хотя, конечно, это может быть лишь совпадением.

Системный сбой

Была у Бакирова задумка — продавать чистую воду для малообеспеченных граждан еще дешевле, по 2 рубля 50 копеек. Технически это просто: приложил электронный ключ к автомату — и бери воду со скидкой. Бакиров предположил, что выдавать ключи своим подопечным могли бы в управлениях соцзащиты. Попытался вопрос обсудить. В мэрии, в соцзащите, на круглых столах. Его даже слушать не стали. Вода не пиво, решил он: копеечное дело никому не интересно.

— Знаете, если по-хорошему, это надо налаживать какие-то связи, — рассуждает гендиректор «Дедала». — Где-то тусоваться! С кем-то в бане париться, с кем-то в бассейне плавать. Как связи налаживаются, создаются контакты?

— Вы не знаете?

— Ну, я человек такого склада, что... Во-первых, надо время на это. У меня времени лишнего нет, чтобы околачиваться по кабинетам.

Чем больше отставной подполковник изучал систему административных отношений, тем больше возникало у него вопросов. И, наконец, назрел главный.

— Вот мы все говорим: взятки, коррупция, чиновники какие-то не такие! А откуда они берутся? Кто их растит? Я вот был летчик-истребитель, я знаю, как рождается летчик. Вот он получил среднее образование, пришел: хочу летать. Прошел комиссию, здоровье позволяет — давай иди в училище. Пришел в училище, отучился четыре года. Если летчик из тебя не получился — тебя отчислят, отправят на штурмана учиться. Но даже если получился — ты после училища еще года три-четыре летаешь, учишься.

— Не сразу на истребителе?

— На истребителе, но он пока ничего не умеет.

— То есть аккуратно так летает?

— Как говорят, низэнко-низэнко. И вот он набирается опыта, через пять лет получается летчик первого класса. Просто так в самолет тебя никто не посадит, тем более такой страшный, сверхзвуковой, страшнее некуда. Если ты до него не дорос, то в лучшем, так сказать, случае сам убьешься. В худшем — кого-то с собой прихватишь, с кем-то столкнешься, на кого-нибудь уронишь этот самолет.

— А чиновник — имеет большие возможности и ничем не рискует?

— Именно, он ничем не рискует! Совершил кучу ошибок — его пожурят: «Ну ты, парень, зарвался». Переместят в крайнем случае из города N в город M. Получается такая авиация наоборот: недотепа может управлять районом, областью, какими-то направлениями, сидеть в правительстве с умным видом.

— Что же делать?

— Мы очень мелкие. Я в своей сфере мог бы быть чуть-чуть крупнее. Пусть бы дали мне на альтернативной основе нужную сумму: ты будешь развивать здесь, а там параллельно будет другой тип производства развиваться.

— Чтобы была конкуренция?

— Да, конкуренция. И все, и поехали бы. Я б их за пояс заткнул — и спокойно развивался дальше.

Карьера «воздух-вода»

— Добрый день, Сергей! С вами говорит служба доставки фирмы «Дедал».

Александр Сочинский, сотрудник компании и бывший инженер-конструктор, созванивается с клиентом, чтобы отвезти ему заказ — фильтр «Гейзер».

— Да, у нас единственная фирма, у которой есть все запчасти к фильтрам, и не только «Гейзеру».

Раньше он работал в лаборатории, которая разрабатывала самолеты КБ Ильюшина — Ил-114, Ил-112. Последний только собираются запустить

в производство. Сочинский приложил свои руки и к Ту-334, который тоже ходит в новинках авиапрома, но, как и 112-й, разработан в 1980-х.

— Ил-96 — это единственный широкофюзеляжный самолет в мире, который не имеет катастроф, — говорит Сочинский.

— Может, он просто мало летал?

— Может, мало летал.

— Я думала, вы будете его защищать.

— Я не буду его защищать: он уже устарел, — отказывается Сочинский. — Мне просто жалко, что мощная авиационная лаборатория прекратила свое существование.

Он не хочет называть свою должность в лаборатории и отмахивается: просто инженер.

— И все? — иронично спрашивает его Бакиров.

— Ну что, я буду свои регалии называть? — Сочинский флегматично откидывается на спинку стула, закладывает руки за голову.

— Завлабораторией! — выдает его Бакиров.

Сейчас перед экс-заведующим авиационной лабораторией лежит товарная накладная на фильтр. На ней — отпечаток печати, похожий на пчелиные соты.

— Что это?

— Это конечная элементная модель, — уклончиво говорит Сочинский.

— Похоже на фильтр.

— Совершенно верно, это и есть фильтр!

Рисунок печати сделан в 1994 году, еще в авиационном институте. Никто и представить не мог, во что в итоге трансформируется основная деятельность компании: ее цели и задачи были столь же далеки от дома и быта, как и имя первого авиаконструктора из древнегреческого мифа.

Сочинский забирает пакет с фильтром, выходит в коридор и, кивая на Бакирова, говорит:

— Он бессребреник. Он мог бы человеку на 700 тысяч оборудования продать, а продает на 100. Объясняет ему: это вам вообще не надо, а вот без этого можно пока обойтись.

— Человеку же хорошо.

— А вы знаете, что из-за этого на нас в городе косо смотрят?

Бакиров заваривает себе чай в маленькой среднеазиатской пиале — частичке родного дома, рано потерянного детства. Все пьют чай из чашек, а он знает только свою пиалушку. Все наспех заваривают кипятком чай из пакетиков, а он погружает в пиалу ситечко, насыпает черный чай, заливает кипятком, ждет. Пиала старенькая, с трещинкой, золотая каемочка стерта.

Звонит телефон, он берет трубку, объясняет про жесткость и срок службы, про железо и марганец, ходит по комнате. «Конкурирующая фирма», — потихоньку докладывает мне Марина, но его и уважают за то, что он всегда посоветует, никогда не откажет. Со всей области звонят и как консультанта зовут, если сами не могут справиться. Даром что директор, никому не может отказать.

— Проведи солевую промывку, чтобы восстановление прошло, полный цикл. А за баком, если что, заезжай!

Бакиров возвращается в кухню-закуток, достает из чая ситечко, выжимает его пальцем. Присаживается. Пьет не спеша.

— Ну, поехали?

Сапожник без сапог

Стоит сияющий зимний день. Снег расточает драгоценные искры во все стороны, они сплетаются с солнечной паутиной и вынимают из обыденности непритязательную улицу. Бакиров проходит в ворота автопарка, минует офис компании «М-групп», торгующей инженерной сантехникой.

— Они нам порой клиентов подгоняют, ну и мы у них покупаем оборудование.

Пересекает двор и подходит к новой травянисто-зеленой Kia Soul калининградской сборки. Машина припаркована рядом с небольшим складом, на котором хранятся смолы, соли, фильтры, емкости и прочие комплектующие и расходники для систем очистки.

— И что, довольны вы калининградской сборкой?

— Доволен. У меня до этого тоже была Kia Rio, 8 лет, и я был ею доволен. Но мои женщины насели: «Давай, эта старая стала, надо новую! Что ты сидишь на этих деньгах, они же обесцениваются!»

— А почему ваши женщины так вам сказали?

— Ну, я не считаю себя богатым человеком...

Он только начал было улыбаться.

— Вы скуповаты?

— ...Но и бензин не считаю.

Домашние вообще, бывает, насаждают на Камиля Ансаровича. Как-то раз потребовали: «Когда ты поставишь нам фильтр на воду? Ты уже всем поставил, а у нас нет!»

— А почему вы так долго не ставили?

— Да руки не доходили, некогда было.

Но неправильно думать, что домашние им командуют. Скорее, наоборот. Вот Марина вообще не собиралась заниматься фильтрами. Училась на психолога, родила сына, написала кандидатскую. Отец смотрел на это искоса и однажды объявил ей: все, хватит.

— Маринку привлек к своему делу, чтоб она не сидела там преподавателем, — объясняет он. — С мыслью о том, «когда я кандидатскую сделаю». Ну и я ей говорю: и что ты там будешь сидеть? Иди вот бизнесом со мной занимайся, будешь его направлять — а я буду тебе помогать. Моя техническая часть, твоя — организационная.

Марина согласилась. И даже диссертацию защищать не стала.

— Просто у меня зарплата была 2 тысячи, — говорит она. — И даже после защиты была бы 15 тысяч.

Теперь ее дело — переговоры и договоры, тоже психология.

Калининградская Kia Soul пересекает несколько кварталов Самары под комментарии «Эха Москвы», сокрушающего отечественный автопром, выполняет полный разворот на перекрестке и въезжает в ворота новенького спортивного центра «Орбита» — здесь установлено водоочистительное оборудование, и Бакирову надо проверить, как его осваивает персонал.

Звонит телефон: давний друг, пилот Ту-154, хочет у себя дома фильтр поставить.

— Гражданские летчики, они же бестолковые: ничего руками делать не умеют, — шутит Бакиров.

Соль и лед

Главный инженер Радимир Курбатов ведет нас по новому зданию физкультурно-оздоровительного комплекса «Орбита». Здесь еще пахнет ремонтом, а на крытом катке уже идет хоккейная тренировка.

— Падаем на два колена! — показывает тренер. — Встаем!

Команды, накладываясь на скрежет коньков о лед, гулко отдаются под куполом катка.

— Полтора месяца лед работает, и говорят, сейчас у нас если не лучший, то близко к лучшему лед! — с гордостью оглядывается Курбатов.

— А если бы не фильтры, неужели бы не замерз?

— Да он замерз бы, но не будет тогда нужной твердости. Лед набирает твердость за счет того, что качественная вода используется.

Курбатов идет впереди по узкому проходу вдоль бортов катка, но не может смолчать.

— Здесь много всего. Вода — важно. Температура и влажность воздуха — важно. Температура плиты — тоже важно. Толщина льда — тоже важно. Потому что, если лед очень толстый, он не промерзает. Или трескается. Много от чего все это зависит. Вообще все от всего зависит.

Наконец, он заводит нас в маленькое помещение, где стоят несколько баллонов в человеческий рост, заточный станок и ледозаливочная машина — ее здесь фамильярно зовут троллейбусом.

— Как там соль у вас? — сразу же осведомляется Бакиров.

— Хорошо!

— Недавно ездил в другой комплекс, они меня вызывали. Они загубили этот Osmos. Во-первых, без соли шуровали. Во-вторых, линию промывки затагнули.

— Нет, нет, мы разобрались, прочитали инструкцию нормально, время выставили. У нас утро начинается с контроля соли.

Они говорят про дренаж, про давление и, судя по всему, хорошо понимают друг друга. Курбатов достает лист бумаги со схемой поля, расчерченной кружочками — по ней можно стрелять, как в тире. Цели — точки замеров толщины льда. Их замеряют дрелью и, в зависимости

от того, что получается, решают, как работать в этот день: где срезать лед, где нарастить.

— Вообще, если за толщиной льда не следить, то она постоянно растет! — доверительно говорит главный инженер «Орбиты». — А потом я сам катаюсь, проверяю. Это самое приятное.

Каждое утро он начинает с катания — по долгу службы. Встал на коньки в этом году, в 45 лет. Разбил нос, губу, но научился.

— Я вообще военный пенсионер, — вдруг решает сообщить Курбатов.

— О, еще один! — радуется Бакиров.

— Я десять лет прослужил на Байконуре военным метеорологом и тринадцать лет уже на пенсии, десять лет из них строил банки, и вот надоело. Решил делать что-то полезное.

— Считаете, что от военных больше пользы, чем от гражданских?

— У военных инженерный склад ума. Военный человек постоянно находит способы приспособиться, изучить новое.

Курбатов провожает нас обратно, на трибунах сидят родители и смотрят хоккей. Из-под забора катка выглядывает бетонная плита основания, на ней волнистый край льда — лед повторяет форму трубочек охлаждения.

— Тут не было ничего для детей, — говорит он. — Ни гардероба, ни раздевалок: сейчас вот все перестраиваем. Построили три спорткомплекса в области, и все они организованы одинаково, а скоро будут все разные.

— Это почему?

— Потому что разные люди ими занимаются. Кто-то постоянно что-то усовершенствует, как мы, кто-то ничего не делает, а кто-то вообще запуститься не может! Не везде же есть отставные военные!

Последняя альма-матер

Между двумя корпусами аэрокосмического университета растут такие высокие и стройные ели, что кажется, прямо отсюда начинается лес. Сотрудники университета помнят, как 20 лет назад дежурили здесь 31 декабря до полуночи. Елочки берегли, чтобы не срубили.

Камиль Бакиров входит, поднимается на второй этаж, на родную кафедру, и все, начиная с вахтера Валентины Михайловны, бросаются ему навстречу. Уже через двадцать минут очевидно — здесь он раскрывается,

становится собой. Он ушел с кафедры конструирования и проектирования летательных аппаратов три года назад, но будь его воля, не уходил бы никогда.

Корпус, в котором она располагается, перестроен из самолетного ангара. Зимой здесь холодно, летом жарко — но это только придает кафедре обаяния в глазах преподавателей. По стенам — фотографии уже исторических истребителей. В преподавательской пусто — кругом идут сокращения, и сотрудники с грустью говорят, что не знают, что впереди.

В преподавательскую заглядывает аспирант Рамазан. Радует, увидев Бакирова, и зовет его в лабораторию. В лаборатории стоит станок, на котором проверяют сопротивление деталей — сейчас там установлен закрылок самолета, на него давит поршень: проверяется прочность. Двое студентов чинят приклад воздушки для себя и хоккейную клюшку для самарской команды ЦСК, используя авиационные материалы. Бакиров с интересом все осматривает, трогает трубочки от фильтров, которые он сам и подарил, и просит Рамазана открыть аудиторию №28.

В 28-ю ведет крутая лестница, а внутри — большой ангар, в котором в строгом порядке стоят крылья самолетов, разрезанные фюзеляжи, кабины, катапульты и целый МиГ-21. Среди них он по-настоящему счастлив. Спустившись, заглядывает в библиотеку. Вместо дивана там стоит тройка кресел из Ту-154 в красных чехлах, поролон в которых, между прочим, он менял сам. Библиотекарь Ирина спрашивает его, как дела, и он говорит ей про фильтры.

— Летчики все вывезут! — восхищается Ирина.

Сидя в среднем кресле из красных трех, он, кажется, чувствует себя здесь больше дома, чем в своем офисе. Врывается мужчина, видит Бакирова, обнимает его, поздравляет с прошедшим днем рождения.

— Извини, я на лекцию убегаю! — И тотчас же исчезает.

Бакиров собирается уходить, но не может пройти мимо холодильника с открытой дверцей.

— Сломался?

— Нет, работает! — звонко отвечает Ирина.

— А вы что, хотели его починить? — на ходу спрашиваю я.

— Да нет, просто я же им его и привез.

И тут становится абсолютно понятно, что социальный бизнес — единственно возможный для него компромисс, который примирил его с необходимостью оставить самолеты. Он не ищет легких путей, не принимает негласных правил. Он несет наверх вместо взяток свое чувство справедливости. Он идет самым трудным путем — снизу, от человека. И уверен, что когда-нибудь это даст результаты.

На выходе из университета мы встречаем его коллегу по ангару-преподавательской.

— А между прочим, — говорит Сергей Владимирович, — именно Камиль Ансарович помог мне переоборудовать лабораторию. У нас стенды стояли посередине, заниматься неудобно было. Все говорят: давай-давай, а делать никто не хочет. А он не много говорит, но хорошо делает!

Социальный сегмент бизнеса растет пока очень медленно, но все конструкторы знают: тяжело построить первый самолет. А обслуживать конвейер легко.

Опять нормально

Толкая сумками дверь перед собой, из продуктового магазина в новом спальном районе Самары выходит молодая мать.

— Подожди! — вдруг хватает она ребенка за шиворот, чтобы не убежал. — Нам же еще воды нужно купить!

Автомат Бакирова стоит в коридоре магазина. Маму зовут Ляйсан, она достает пустую пятилитровую бутылку, приставляет ее к кранику в автомате.

— Я-я! — кричит ребенок, он хочет сам платить и сам держать. — Я-я-я!

— Почему вы ее покупаете?

— Потому что в кране вода ужасная. У меня стиральная машинка уже полетела. Из-за здоровья берем, пить, готовить. Вечером тут вообще очереди. Цена нормальная и вода хорошая.

За месяц через этот автомат прошло 16 кубометров воды. Заплатив три рубля за каждый литр, люди оставили здесь 48 тысяч рублей, из которых 16 тысяч — себестоимость очистки и розлива, около 3500 тысяч — различные платежи и аренда, остальное — прибыль. Стоимость

автомата — 400 тысяч рублей. Похоже, он может окупиться быстрее, чем через два года, и конкуренция (неподалеку стоит киоск «Родникового источника») ему не мешает.

— Ситуация была такая, что они поставили позже нас, и вроде как меньше люди здесь стали покупать воду. — Бакиров поправляет расшатавшийся держатель для бутылок у автомата, прикидывая, как починить. — Месяц прошел, смотрю: опять нормально стали...

Возвращаемся в офис «Дедала». Бакиров топает ботинками у входа, отряхивая снег, снимает шапку, включает чайник и отправляется читать новости на маленьком ноутбуке. Его новости — это тендеры, информацию присылает специальная компания, с которой у него заключен договор. Но крупной рыбы пока нет.

— Универсальная торговая площадка, — выуживает он. — Техобслуживание фильтров и парогенераторов.

— Я уже смотрела, — отзывается дочь. — Всего сто тысяч за год.

В офис входит высокий парень, он спешит, ему нужен угольный фильтр, и очень быстро.

— Для дома?

— Нет, система киосков чистой воды, по 3,50, — неожиданно говорит парень.

— Ваши конкуренты пришли? — спрашиваю я Марину.

— А что, у вас тоже киоски? — удивляется парень.

— Да нет! — отмахивается Марина. — А что у вас, опять лопнули?

— Нет, это для новых. А трескались — это в прошлом году было. Бабушки ушли на Новый год домой и выключили отопление, ну, вода и замерзла!

Парень убегает: он всего лишь сотрудник, который обслуживает сеть. Вода в цистернах застаивается, и ему надо ставить в них маленький угольный фильтр: осветляет и убирает запах. Он покупает их здесь уже второй год. Он не знает даже, что они конкуренты, но он точно знает, где есть все запчасти для фильтров.

А на складе «Дедала» ждут своего часа три аппарата по очистке воды, в том числе бывший чапаевский. Подполковник Бакиров отступить не собирается.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

